

Tul_05_023

16.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **тетя Дуся**, 1918 г.р., Тульчин (ТД)

Соб.: С.А. Егорова (СЕ), С. Николаева (СН).

Сторона А

(Начало – объясняют им дорогу)

ТД: (Нрзб) Она меня приняла...

СЕ: А вы давно здесь живете?

ТД: Давно. Все... уже шестьдесят лет...

СЕ: Шестьдесят лет. Прямо в Тульчине, да?

ТД: Муж у меня умер. Я сама осталась. Ни роду, ни плоду.

СЕ: А муж откуда, тоже отсюда был?

ТД: ?

СЕ: Муж отсюда у вас был? Муж отсюда был?

ТД: Я не слышу.

М (мужчина): (Спрашивает у собирателей, чем они занимаются)

Соб.: (Объясняют)

М: Здесь был Суворов...

СЕ: Да, это мы знаем. Ну, то, что в краеведческом музее, мы знаем. Но как люди жили? Мы хотели с ними поговорить.

М: А как люди жили? Как вы сейчас живете? Вы?

СН: Не, ну все по-разному бывает. У нас по-разному, и у них, у тех было по-разному.

М: Раньше был пан. Правил.

СН: А вы давно здесь живете?

М: Ну, мне... мне шестьдесят восемь лет.

СЕ: Шестьдесят восемь лет. Вы здесь родились, да?

М: В селе родился.

СЕ: В селе? В смысле под Тульчиным?

М: Да.

СЕ: Да? В каком?

М: Шо...

СЕ: В каком селе? Здесь недалеко?

М: В Любани.

СЕ: В Любани? А Любань – это где?

М: Девять километров отсюда.

ТД: Это мой родственник.

СЕ: Да?

М: Ну как люди жили? Как люди здесь, так и там. Есть бедные, есть богатые.

СЕ: Ну понятно. А вы в войну здесь были?

М: Я? В войну? Да, здесь был. Немцев помню...

СЕ: А здесь, говорят, оккупация была.

М: Как оккупация? Гнали русских, им... это руминов и немцев ждали (знали?).

СЕ: Да, а когда немцы здесь были, вот как здесь было, что здесь было?
М: Война была.
СЕ: При немцах.
М: Да...
СН: А, говорят, еще румыны были.
М: Были румыны. [Мне] Было шесть лет, когда война началась.
СН: Вам было шеть лет. А у вас, наверное, папа и мама, они, наверное, в войне участвовали?
М: Так точно.
СН: А отец, а мама? Как там было?
М: Там-то на войне? Акак во Вьетнаме.
СН: Ну нет, ну...
СЕ: Но мы же не знаем, как было во Вьетнаме. Мы хотим...
М: Ну... так лучше бы вы не знали.
СЕ: Ну, в общем, да. А вот нам сказали, что, вроде, когда румыны были, здесь было немножко полегче. (Нрзб).
М: Это ерунда все.
СЕ: Все так же?
М: Все так же. Историю читаешь?
СЕ: Ну конечно.
М: Ну так вот он (?) там пишет – и то неправда.
СЕ: Понятно. Ну а вот после войны как город отстраивался?
ТД: (Нрзб) рассказывай что-нибудь...
М: Как отстраивался? Он начал отстраиваться при Брежнев.
СЕ: При Брежнев? А вот нам сказали, что вот вроде бы вот эта часть – это старый район, да?
М: Как разница. Люди сами строятся.
СЕ: Ну что вот...
М: Ну вот видишь, запретили здесь все стройки – кто виноват? (Разговаривают о Ленинграде)
СЕ: а вот нам сказали – тут жили всякие разны... и поляки вроде бы ли, и украинцы...
М: И украинцы были...
СЕ: И русские...
М: ...и в этом... и а Ленинграде и поляки были, и немцы были, и румыны были...
СЕ: Не... да, понятно.
М: И что дальше? И в Америке наши живут.
СЕ: Нет, но интересно просто, как здесь. Интересно просто, как здесь было.
М: Я откуда... было мне знать?
СЕ: Ну вот... а вы в школу в какую ходили?
М: Украинскую.
СЕ: В украинскую, это которая, да... нам сказали – три вроде было, да?

М: А вишь, вишь какая жизнь у нас. Смотри... старый человек. И на него никто внимания не обращает. Видишь, как живут наши люди? Вот так. И весь сказ в двух словах.

ТД: Никому не нужны. Участники войны, господи.

СЕ: А вы участвовали в войне?

(Собиратель СН рассказывает М о себе)

СЕ: Вы в войну здесь были?

ТД: Я ничего не...

СЕ: В войну здесь жили? Или вы участвовали в войне?

ТД: Нет, я участница. Я сама родом со ставропольского края. А сюда комсомольцев забрали. И мы следом за фронтом участвовали, помогали.

СЕ: А сюда вы после войны вернулись? Сюда после войны вернулись?

ТД: Ну да. После войны я приехала домой – мне было очень плохо. И... в колхозах ничего не давали. Я завербовалась в Москву. С одной девочкой. И в Москве нашла этого украинца. И он меня затаскал на эту Украину. Ну... потом мне пришлось самой уже тут быть. И сейчас я пять процентов имею зрения. Ничего не вижу. И ноги у меня вишь... болят у меня. И все-все-все больное.

СЕ: А местные жители, вам кто-нибудь помогает? Может быть...

ТД: А?

СЕ: Кто-нибудь помогает, может, вам из местных жителей?

ТД: Кто мене поможет? Ради бога... соседи... старые люди, поумирали. Молодежь работает.

М: Вы девочки, такие вопросы задаете. Я бы сказал два слова – люди... старый человек, некому обойтись. А вы ее спрашиваете. Она сидеть не может. А что ты диктуешь... зачем ты записываешь?

(Объясняют, почему они записывают, объясняют смысл работы)

ТД: Петя, не груби. Они свою работу выполняют.

(Выясняют отношения с Петей).

ТД: Вам надо чего-то записать?

СЕ: Ну вот мы как раз... и расск... чтобы вы нам рассказали, может быть, что вы помните, как здесь жили и как вы жили, вот.

П: Воевали, воевали...

ТД: Ну где... молодость прошла так, что я ее и не заметила – как во время войны. А сюда приехала... уже в Москве завербовалась и там встретила украинца. И он не хотел работать. Нашел машинку, чтобы делала блумбу.

СЕ: А блумба – это что?

ТД: Крутнет, и мешок денег. И рассчитывается с это... с Москвы. Мне бы дуре... если бы ум был... сейчас... тогда мой. Сказать – езжай, мешок денег наберешь, потом я к тебе приеду. А мне – останься в Москве. Мне... нет, я дурная рассчитываюсь и еду с ним. Блукали, блукали по свету. Нигде он ничего не нашел. Потом привозит сюда на Украину – поедем на Украину. А тогда еще выпивал. Я думаю – может, там родные возьмут его в руки.

СЕ: А у него много здесь родных было?

ТД: А?

СЕ: У него-то много здесь родных было?

ТД: Ну отец, мать, сестра была.

СЕ: Украинцы они, да?

ТД: Украинцы, да. Ну, когда приезжаешь сюда – Боже мой! Мать ставит бутылку водки, самогонки этой на стол. Там какого-то луку, сала резали. И стаканами лупят, лупят. Я вытаращила глаза, дурная! Бери чемоданчик в руки и тикай отсюда! Нет. И, значит, она говорит ему – приез кацапку. Ты б тут мог найти – и корова, и дом, и все. Он говорит – это мое дело.

СЕ: А что, вот вы сказали...

ТД: И я...

СЕ: Она плохо к вам к... потому что относились, потому что вы русская что ли, да?

ТД: Да.

СЕ: Украинцы не любили...

ТД: Русская – раз, а при том бедность моя – два. Ничего у меня нету. Вот она меня сразу и не снвидела. Но а я потом ему стала говорить, я говорю – я уеду. Она тебе сразу говорит – что зачем ты привез? – Да, вони пьяни... шо хотелы, то и казалы. Не слухай. И опять, дура, не слухаю. И так и пострадала. Столько я лет. Ужасно было...

ЕС: А здесь вы где работали или как?

ТД: Ну потом я уже работала на маслозаводе работала, а металлоштамповочном работала шесть лет. В общем, у меня тридцать лет рабочего стажа. Кругом я работала. Пенсию дали. Ну а сейчас сама одна осталась. Мать его умерла, сестра умерла, муж сестры умер. Они сильно много пили. И все они пошли на тот свет. Так что у меня теперь никого нету. Ни плохих, ни хороших. Все вот это чужие люди приходят и помогают тут все. Он пришел – там немножко картошки, там жуков очень много, он пришел жуков потравить.

СЕ: Понятно. А вот нам сказали, что это самое... тут вот жили русские, украинцы вроде...

ТД: А?

СЕ: Нам сказали – тут жили всякие люди: русские, украинцы, поляки, вроде евреев много было, да?

(Информант не очень реагирует. Мужчина довольно агрессивно вмешивается. Обрыв в записи)

СЕ: Скажите, пожалуйста, а вот раньше какие-то там праздники, может быть, праздновали. Как это делали, да?

СН: Хорошее ведь что-то было у вас в жизни, да?

ТД: Шо было. Эти... если семья пьяниц была – шо было хорошего.

СН: Ну, может быть, в гости к вам приходили друзья, соседи...

СЕ: Ну вот Пасху вы праздновали, например?

ТД: Да, обязательно.

СЕ: А как... что делали на Пасху?

ТД: В церкву ходили. И... приготавливали шо-то получше. Кто-то придет, кто-то не придет. Ну в Пасху есть...

СЕ: А что готовили...

ТД: Ну, шо могли, то и готовили. Пеклись налистнички, пеклись так пирожочки, пеклись... ну что русская могла сготовить?

СЕ: А вот нам сказали, что тут... еще евреи свою Пасху праздновали, да?

ТД: Мы к евреям не касались.

СЕ: Да, не ходили...

ТД: У них своя Паска. С нашей она не... не касается. И они до Паски целые сутки не едят.

СЕ: А почему?

ТД: Не знаю, почему. Это еврейский праздник, еврейский обычай. А тут жило больше евреев, чем украинцев.

СЕ: Да вы что?

ТД: Да.

СЕ: Да? А как жили? Ну вот дружно там или какие-то, может быть, были конфликты? Не знаю... Не ссорились?

ТД: Ну как... Евреи все равно хитрее русского и украинца. Они старались где-то на земле работать. А старались где-то в торговле. Только, чтобы у них были веса – обсчитать, передать. Они хитрее нас.

СЕ: А на Пасху-то у них что?

ТД: А?

СЕ: А на Пасху-то – вот вы говорите – сначала не ели, а потом что делали?

ТД: Я вам скажу, что я в ихние празники не вникала. Шо они там ели, когда они там ели. Я только слыхала так – они до Паски сутки не едят. А там черт их знает, что они там делали. Я не знаю. Еврейские обычаи – мы к ним не касались.

СН: Что, их не любили здесь?

ТД: А?

СН: Не любили здесь евреев?

ТД: Я еще и глухая.

СН: Не любили, говорю, евреев здесь.

ТД: М... меня?

СЕ: Да, вы и вообще... в принципе там украинцы, русские как-то... как... не любили евреев, да? или все по-разному.

ТД: Не знаю, как их любить или не любить. Были и евреи хорошие. Мы на обувной фабрике работали, и я свой процесс передавала еврейке. Ну, а там были такие, что обижали. Возьмут про... перепутают ей – она чуть не плачет. Я говорю – что вы сделали. Я же ей правильно давала. Зачем вы перепутали? «Ха-ха-ха, разберет». Она кучами собирает. Я ее стала защищать. Я говорю – бессовестные, ну-ка позовите мастера. Мастера призвали. Я же сказала, что я Лельку... правильно даю. Почему они путают и смеются. А он потом разобрал и начал их наказывать. Так она и до сих пор мене благодарна. Говорит – Дуся, тетя Дуся, я никогда не забуду, как вы меня защищали. Я

говору – Клара, мене тебя было очень жалко. Потому что они дурны и пусты. А там была жена полковника и смеялася. И я говорю – дурно и пусто цеплялися и тебя все время оскорбляли. Вот. И вот так. Так что есть в каждой нации люди и хорошие, и плохие.

СЕ: А Клара-то эта жива теперь?

ТД: Это евреечка...

СЕ: Жива она сейчас? Она здесь живет?

ТД: Не зеаю. Здесь в Тульчине.

СЕ: Здесь в Тульчине?

ТД: Они, наверное, уехали в Израиль.

СЕ: Уехали, да?

ТД: Я ее давно-давно не видели и не слышала. Они, евреи ведь почти все уехали. Тут мало тут (?) остались. Врачи какие были хорошие. Все уехали. У нас врачи сейчас в больнице только одни студенты.

СН: А раньше евреев врачей было много, да?

ТД: А раньше евреи лечили и все помогали всем людям...

СН: И ходили к ним все – и русские, и украинцы...

ТД: Все ходили, да.

СЕ: Понятно. А вот еще... какие были праздники, а, вот... Вы говорите Пасху праздновали. А вот еще чего?

ТД: А...

СЕ: Вот там в советское время можно было, не запрещали в церковь ходить?

ТД: Нет, никто не запрещал. Если хочешь – иди. Хочешь – не ходи. Не запрещали. В общем, девочки, значете что? Напишите по своей работе, шо вы слушали, шо... шо... как жизнь рошла. Сами понаписывайте да и все. А так я уже все забыла. Все-таки восемьдесят с лишним лет. Время уже прошло.

СЕ: Это восемьдесят с лишним лет – это вы с какого года, получается?

ТД: Я?

СЕ: Да.

ТД: С девятнадцатого.

СЕ: С девятнадцатого? Ух... А вы где родились – я это... не записала, забыла...

ТД: Я родилася в Ставропольском крае, село Красный Солдат, Александровский район. Ну вот... на Кавказе. Вот сюда приехала... (нрзб), жизнь моя пошла по-другому. И там...

М: Девочки, а зачем это у ва... вам...

СН: Ну вот практика...

(обрыв записи)...

М: Что?

СН: Район такой Капцунивка что ли называется?

М: Капцанивка?

СН, СЕ: Капцанивка, да... да...

М: Капцанивка...

СЕ: Да... Это что?
М: Да это в деревне в Холодовка (Колодовка?)...
СЕ: В Холодовка (Колодовка?)?
М: Улица называется Капцанивка. (Нрзб).
СЕ Да, а что...
ТД: Он тут больше живет, он тут больше знает.
СЕ: Не знаю, нам сказали вот в прошлую... нам обдна женщина сказала, что Капцанивка – это вот автовокзала вниз.
М: Так это, это не... это, может, вы неправильно услышали. (Нрзб) она по-другому она сказала... (нрзб)...
СЕ: А Холодовка (Колодовка?), это такая деревня, да?
М: Да.
СЕ: Недалеко?
М: Десять километров отсюда...
СЕ: Десять километров...
СН: И там улица так называется, да?
М: Да.
СН: Да-а? Прямо так написано, да?
М: Да, так прямо, так прям. Как Ленина, так и Горького, так и... Ленина, так и любая улица называется.
СН: Понятно. А не знаете, почему у нее название такое интересное?
М: А?
СН: Не знаете, почему такое название у нее интересно?
М: Не знаю, нет.
СН: Ясно...
М: Это предков надо еще спрашивать.
СЕ: Угу. Но предков нет.
М: Вот. Предков нет. И скоро нас не будет.
СЕ: Ясно. А вот. А центр города раньше где был, когда вы приехали?
ТД: Что центр города?
СЕ: Центр города где находился, когда вы приехали? Как сейчас? Или как-то вот по-другому были дома устроены, может быть...
ТД: Я вам скажу, вот я тут мало жила. Но Тульчин был как какой-то село.
СН: Как село?
ТД: Да, как село какое-то. Маленькие здания. Предприятий было очень мало. А потом уже расстроился. Уже назвали Тульчин. А то, может быть, даже и Тульчина не было. В общем, я ничего не знаю. я в то время не жила почти тут.
СН: А маленькие здания – это в смысле украинские дома вот, русские, еврейские, да – все это? Они одинаковые были?
М: Что?
СЕ: Ну дома...
СН: Ну домики вот старые? Старые домики смотришь – вроде бы разные все.

М: Старые – это были еврейские холупки.
СН, СЕ: Еврейские холупки? Это как?
М: Это так. Это Сталин (?)... Тараса Шевченко дома были.
СЕ: Да?
СН: Тараса Шевченко?
М: Да.
СН: По улице в смысле по этой, да?
М: Вот по Ленина (?) вот...
СН: А чем отличаются...
М: А?
СН: Чем отличаются они, а?
М: Кто?
СН: Ну вот эти еврейские дома от украинских...
М: Какие еврейские... старые постройки.
СЕ: Старые постройки...
М: Посмотри старое кино и увидишь, как люди жили. (Нрзб).
СН: Понятно. Значит, у украинцев лучше дома бли. Жили они лучше или нет?
М: Не знаю, лучше или хуже – не знаю.
ТД: Конечно...
СН: Кто лучше-то жил? У кого дома красивее были?
ТД: Ну как – они покрыты лучше были.
СЕ: Украинские?
ТД: Да. И... побелены, по... чистенькие такие.
СЕ: А у евереев?
ТД: А еврейские все были запущены такие. Они больше... сами не делали, а больше нанимали. Ну...
СЕ: А работать приходили к ним, да, украинцы...
ТД: Конечно, приходили. Кто деньги платил, (нрзб) приходили...
СН: А деньги платили им, да?
ТД: Да. А сами они ничего не делали.
СЕ: А на праздники к ним приходил, помогал кто-нибудь? Евреям на праздники? Русские, может быть...
ТД: Я не буду врать, потому что я про ихние праздники ничего не знаю.
ЕС: Понятно. А вот когда свадьбы отмечали, не знаете, как было вот... то есть как свадьбу делали раньше?
ТД: Бес его знает. Не знаю. У нас, у русских, свадьба как свадьба. И в церкву идут, венчаются, а потом свадьбу делают. Гости собираются...
СЕ: Да...
ТД: А еврейскую свадьбу – я даже и не знаю, как они...
СЕ: Куда они ходили? Не в церковь же они ходили, а куда-то еще ходили?
ТД: Ну, в ЗАГС, куда (нрзб)...
СЕ: В ЗАГС. Понятно.

СН: А вот говорят, что еще как-то... это самое... много кладбищ есть вокруг города разных.

ТД: Кладбищ...

СН: Старые какие-то есть, говорят, кладбища...

ТД: Вот от Тульчина кверху пройти, то там были еврейские кладбища. Я не знаю, как я туда попала.

СЕ: А вы там были?

ТД: Д... Да. И я... не помню, как я туда попала. И то... там такие памятники были.

СЕ: Памятник?

ТД: Да. И... есть такие склепы. Евреи сажали прямо в этот склеп сидечки...

СН: Сидя... Хоронили сидя мертвых...

ТД: Да, говорили так вот. И вот, значит, он потом склеп открывает, они наведуют по-своему там. Читают.

СЕ: Когда уже похоронят, потом приходят туда и открывают, проведать чтобы, да, покойника, да?

ТД: Да, да.

СЕ: А поминают так, да? Или это что?зачем они приходят туда? А что-то...

ТД: Не знаю. Они наведуют. Зачем они приходят...

СЕ: Да... наведуют? А что-нибудь приносят с собой?

ТД: Не знаю...

СН: Клали, может быть, туда что-то...

ТД: Не знаю, чего они туда носят. Но говорили - вот это склеп. Там мертвый сидючки похоронен.

СЕ: А покойники – их как, в одежде хоронили или в чем?

ТД: А?

СЕ: В чем их хоронили? Не знаете?

ТД: Как говорится, я к евреям мало касалась. Я не знаю, в чем их хоронили. Бог его з...

СН: А вот говорят, знаете еще, что они вроде бы это... на кладбище несут бегом.

ТД: Что это такое?

СН: А вот быстро очень идут.

ТД: А, бегом...

СН: Да...

ТД: Не знаю. Я знаю, что они похоронят... ничего, никаких обедов, ничего не делают. До речки дойдут, руки помыли, и все.

СЕ: Руки моют в речке?

ТД: Да.

СЕ: А-а... а зачем?

ТД: Не знаю.

СЕ: Понятно. А вот... ну у русских и у украинцев покойников же в церкви отпевают, да? Вроде бы... А у евреев как?

М: Чего, чего, чего?
СЕ: А у них как, что было?
М: У кого?
СЕ: Вот у евреев как? У наших вот покойников в церкви отпевают, да?
М: Приходит батюшка и отпевает теперь. Нету батюшки, значит, не отпевают. Все.
СЕ: Ну понятно...
М: Ну... что...
СЕ: Нет, не у всех же так. У евреев же по-другому...
М: А у чувашей как хоронят?
СЕ: А чувашаи – как православных хоронят.
М: А мы тоже православные. И так же всех хоронят.
СЕ: Вообще всех так?
М: Да.
СЕ: Вообще всех так?
М: Да...
(Обрыв записи)
СЕ: ...вместе работали на обувной фабрике, у вас же там какие-то подруги были, да?
М: Уже двано нет.
СЕ: Ну какие подруги? Просто я ее защищала – работали вместе. На одной ленте. Один процесс был. Я ей передавала. Ну а так... она была благодарна за то, что я ее защищала.
СН: А вот другие какие-то...
ТД: ну приходила там...
СЕ: В гости к ней вы не ходили?
ТД: К ней?
СЕ: Да...
ТД: Нет.
СЕ: А вот с кем вы еще вместе работали?
ТД: Там много работало. Их нету уже никого...
СЕ: А кто-нибудь остался еще?
(Одновременно мужчина бросает реплики, которые не имеют значения).
ТД: Я даже не знаю, кто остался. Ко мне сейчас никто не приходит. Я ничего не вижу. А если пришел, поздоровался – я не знаю, кто. И что я буду говорить, если я никого уже не признаю, и меня не признают.
СЕ: Понятно. А вот в церковь ходили раньше?
ТД: А?
СЕ: А вы в церковь ходили раньше... сейчас хойте? Или, может быть там священник...
ТД: Миленькая моя, где же я хожу? Я с палочкой вот до калитки дойду, у меня ноги трусятся – я падаю.
СЕ: А раньше ходили?
ТД: А раньше – конечно ходила. И асху святила...
СЕ: И пасху святили?

ТД: Да. Ходила.
М: А как тебя звать?
СЕ: Меня зовут Света.
(Мужчина все время встревает в разговор. Реплики неинформативны)
СЕ: А когда святили пасху раньше?
ТД: На Пасху.
СЕ: На Пасху?
ТД: Да. (Нрзб) яички (?) свои ставят, полотенчики шила, (нрзб) еда, (нрзб), кусочек сала – все там порезанное, все положенное святить. И... ставится рядышком все. И вокруг церкви так целые ряды. Потом батюшка проходит и святой водой венчиком всех брызгает и молитву читает.
ЕС: Угу. А вот говорят, что вроде бы в какие-то дни нельзя работать. Стирать вроде бы нельзя.
ТД: Ну какие? На праздничные дни.
СЕ: На праздничные дни? А на какие? Вот на Пасху можно?
ТД: Боже упаси!
СЕ: Нельзя?
ТД: Нет.
СЕ: А чего будет если не раб... ра...
ТД: Нельзя, нельзя, грешно, и все.
М: Вот пойдешь в церковь – тебе батюшка все расскажет.
СЕ: А если вот дни недели вроде там... можно во всякий день стирать?
ТД: В воскресенье...
СЕ: Не знаю... в воскресенье нельзя?
ТД: В воскресенье нельзя.
СЕ: В воскресенье нельзя стирать.
ТД: Сейчас люди такие, что кто... э... стирает, кто не стирает. Не боятся греха, нет.
СЕ: А раньше?
ТД: А раньше боялись.
СЕ: А если вот постирает – чего будет?
ТД: Боялись и все.
СЕ: Да? Вот... а пост когда держали?
ТД: (Просит подвинуться). Пост – я скажу – перед Пасхой пост бывает. Сейчас пост не очень... не очень...
СЕ: Не соблюдают...
ТД: Соблюдаю. Почему? Я скажу: когда я ходила в церковь, и мама моя, и я-то, мы шли в церкву – не ели. Уже я была больная. (Говорят о собаке)... (Перерыв в записи)
Я хочу сказать за... за освещение... и вот батюшка с венуиком ходит вокруг всех людей и еду и прямо на людей опрыскивает. И молитву читает. Вот так. Покамест всех людей не про... не проповедует. Все люди потом уже после освящения расходятся. Ну и идут уже встречать Паску дома. Так он святил паск... всем паску. Ой, а сейчас я ничего не вижу, абсолютно. Где мои

глазки, Господи! Я все на помочке – чего-нибудь покушать, еще... кто мне чего сварил. Кто чего сделал – я все на помочке, на помочке.

СЕ: Понятно.... А в другие какие-нибудь праздники еще постились, кроме Паски?

ТД: Шесть недель пост должен был быть перед Паской. А уже потом считается – разговееет. Я не знаю... потом пост не соблюдают. А то... шесть недель соблюдают пост.

ЕС: Понятно...

(М комментирует работу собирателей)

(Обрыв в записи)

ТД: А мне шо... сейчас передают лечение. Я могла бы поехать в Киев. Там профессор Пархоменко лечит. Даже на операционном столе человек видит. Они делают обследование. Там несколько врачей.

(Обрыв записи)

ТД: Нету. Вот я вам скажу – у меня был первый муж. Я с ним разошлась. А второй был хороший. Я прожила тринадцать лет. Он меня ничуть не обижал. И обещал – Дуся, ты будешь видеть, я тебя пошлю в Киев. И тебя подлечат. А потом – раз, два... сам умирает, и я остаюсь и больная и невидящая. А уже три года нету его. Три года я вот все страдаю и не вижу. Ходят ко мне – с Собеса девчонка, с Красного Креста. Чего-нибудь пришли-помогли. И чего-то купили. А так больше никто.

СЕ: А детей у вас нету?

ТД: Нет. Детей у меня не было, и я ничего не делала. И так бездетная осталась.

СЕ: Угу, понятно.

ТД: Я знаю, мы жили в Херсоне. И так девчонки собираемся... и говорит... та говорит – я аборт сделала, а та говорит – я беременная. А я говорю – два года живем, ничего не делаю. Она говорит – проверься, поди проверься. Ну я пошла, проверилась. Ну, говорит, у вас никакого заболевания серьезного нет. у вас недоразвитая матка. Вот у нас в мае месяце откроется санатория, вы ходите на грязи, и у вас дети будут. Я пришла своему этому пьянчужке сказала – оны тебе нужны? Я говорю – всем дети нужны. А мене не нужны? Нужны. Ты вербуешься дальше, и я ни в какую санаторию не попала, и все. А сюда приехала, тут одна Вера, знакомая – у ней тоже детей не было – та походила на грязи и имеет двоих детей. Так что я дурно и пусто их не имею. Если б муж хороший был, значит я была бы с детьми. А так...

СЕ: А вот кто аборт делает – это плохо, да? Вы как считаете?

ТД: Это очень плохо. Это грешно дежа – убить...

СЕ: Грешно даже?

ТД: Да. Убить ребенка...

(М отвлекает организационными делами)

СЕ: Грешно, да, говорите?

ТД: Очень.

СЕ: А что вот будет... ну кто делал там, что вот будет за это?

ТД: Ну это уже будет перед Богом отвечать. Шо будет – то я не знаю. Но я знаю, что это очень большой грех.

Е: Ничего такого не рассказывали, что бывает за это...

ТД: Ничего больше не слыхала...

(М постоянно комментирует разговор, не по делу)

(Обрыв в записи)

ТД: А чего же, а как же не будет грешно? Если человек...

(М требует, по-видимому, данные собирателей)

СЕ: Вроде когда человека похоронят, который сделал аборт... чего-то как-то нехорошо его хоронят там...

ТД: (Нрзб) своего ребенка уничтожить... разве это хорошо – большой грех. Неужели это не грешно. Никакого аборта я не делала. Ничего я не знаю. только слышала от людей, что делают.

СЕ: А были, кто делал? Повитухи были у вас тут бабки какие-нибудь? Кто делал сам?

ТД: У меня вот есть одна... жила. Сейчас она выбрана (?) в Киев – поехала там на повышение квалификации – ее послали. Она делала аборт. И вот целый месяц, какой-то месяц она не кушает. Яблочко там, грушу, там фрукты какие-то... говорит – это мой ребенок... будет... там ему не дадут. Скажут – мать съела. И она ждет, покамест (?) разговляться фруктами.

СЕ: В смысле – там не дадут? Это как?

ТД: Ну, всем детям будут давать, а ее не дадут. Скажут – твоя мать съела.

СЕ: А-а... и поэтому она не есть, чтобы ему там досталось?

ТД: да, да...

СЕ: Ясно...

ТД: О, Господи... Я говорю (?)... много не ешь... раз ты сделала, грех взяла на душу. Теперь покоряйся во всем.

СЕ: А к своим ходили аборт делать? К своим ходили аборт делать? А делал кто-нибудь вот дома аборт?

(М предупреждает, что он травит что-то)

СЕ: Тетя Дуся, а можно – мы к вам еще придем?

ТД: Заходите...

(Конец интервью)

ПФ-23. 16.07.2005, г. Тульчин.

Инф.: **Кесель-Бренер Иона Исакиевич**, 1947 г.р., Тульчин (ИК) и **Кесель-Бренер Клара Михайловна** 1957 г.р., Тульчин (КК)

Соб.: Ю. А. Мягкова (ЮМ), С.А. Егорова (СЕ).

ЮМ: Так... э... скажите, как вас зовут и какого вы года рождения.

КК: Вот ты расскажи...

СЕ: Давайте теперь, да, раз вы уже рассказывали, мы будем... Это ваш муж? Угу...

ИК: Ну что, значит, какого года. Я сорок седьмого года, значит, сорок седьмого... седьмого июня. Значит, фамилия Кесель-Бренер...

КК: Иона Исакович...

ИК: Иона Исакович.

КК: Ион...

ИК: Иона Исакович.

КК: Ион... по-русски будет Иван.

СЕ, ЮМ: Угу...

КК: А евре... по-евре... Ион.

ИК: Так, дальше, что вы хотите?

ЮМ: Вы здесь родились, да?

ИК: Да.

ЮМ: И всю жизнь здесь прожили?

ИК: Да. Пятьдесят восемь лет.

ЮМ: А в Израиле не..

ИК: Не был.

ЮМ: И не хотите?

ИК: Ну не знаю...

КК: Хотим, но нет возможности. Потому что у меня... у нас... моя мама... его жена (?)...

ИК: Парализована...

КК: Парализована пять лет лежит. И отец у меня больно... ходит с (нрзб) с больной.

ЮМ: Понятно, а...

КК: Мы бы уехали сегодня же днем (?)...

ИК: Ну все, все, разговоры окончены. Дальше.

ЮМ: А родственники в Израиле у вас есть, да?

КК: Есть...

ИК: Есть. Значит, есть. У ней...

КК: У меня брат есть в Израиле. Брат...

ИК: Два брата было. Один умер там...

КК: Он сейчас... в мае умер.

ИК: Один есть и... он с пятьдесят четвертого года...

ЮМ: Они переехали отсюда, да?

ИК: Из Тульчина они переехали в Израиль.

ЮМ: А сейчас вообще сколько, здесь много евреев?

КК: В Тульчине?

ИК: Евреев – я не знаю. Семей, наверное, двести есть.

КК: Или сто пятьдесят.

ИК: Не знаю – дести или сто пятьдесят.

КК: Много их... полно (?) поумирало.

ИК: Ну что же сделаешь...

КК: (Нрзб) умерли...

ЮМ: А раньше сколько было?

ИК: Мы не знаем точно, сколько тут было. Евреев сколько...

КК: Э... э... Вот мама его покойная рассказывала – тут до войны очень много было евреев. Больше, чем русских...

ИК: До войны были евреи тут много, а сейчас уже...

КК: Больше, чем русских было. Очень много евреев.

ИК: А сейчас... сейчас никто (?)... попереезжали вот...

ЮМ: А отношения вот какие были между украинцами...

КК: Дружные, дружные, хорошие.

ИК: Дружные...

ЮМ: Дружные. А на праздники (?)...

КК: Потому что если бы не русский народ, украинский народ, евреи не выжили в войну бы. Они евреев спасали.

ЮМ: А, то есть вы помогали евреям, да?

КК: Украинцы, украинцы...

ЮМ: Ой... они украинцы, да...

КК: Украинцы прятали евреев и спасали евреев. Вот у нас есть тут, у нас есть Кулеша, который (нрзб)... так его мать во время войны, во время войны спасала евреев во время войны. Мать его спасала евреев во время войны.

ИК: Ну чего ты будешь там рассказывать. Надо им такое рассказать, что... жили в лагере люди. Так это им надо...

КК: Не, они... они... они спра... они спрашивают...

ЮМ: Не, нам нужно все, отношения, традиция...

СЕ: Нет. Нам надо про жизнь, потому что про лагерь – это все это... вот про... про праздники, про субботу. Как вы отмечали...

ИК: Значит так.

КК: Шабат, шабат.

ИК: Субботу?

ЮМ: Да...

ИК: Это шабат. Это...

КК: Называется у евреев шабат...

ИК: Значит, сейчас я вам расскажу. У меня была...

КК: Бабушка.

ИК: У меня была покойная бабушка. Она, значит, с тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года, вот... я не помню, с какого там... число она там родилась. Значит, так – пришло... значит, у нас вот это вот видите – старый дом. Значит, так. У нас была русская печь. Бабушка, значит, четверг – она пекла хлеб.

КК: Замесила тесто...

ИК: Заме... замесила...

КК: Тесто...

ИК: ...тесто. У нас была русская печь. И в пятницу до двух часов дня она спекла хлеб.

ЮМ: Угу... А хлеб назывался как-то?

ИК: А?

ЮМ: Назывался как-то хлеб особенно?

ИК: Ну хлеб на... ну... Пекли там на голой печке. У нас была русская печь... там значит...

КК: Слышала (?) макла, макла, скажи, пекла бабушка.

ИК: Подожди. Какая макла... это вот дело (нрзб) макла... и это...

КК: Интересно знать... (нрзб) посылать...

ИК: Значит, она пекла хлеб. Значит, она сделала (ростынь, росчинь?нрзб). А потом в пятницу она пекла хлеб до двух часов. После двух часов она помылася. В субботу она ничего не делала...

КК: Она спичку не брала в руки...

ИК: Она спичку не зажигала...

ЮМ: А если вот нужно было зажечь, не просили там евреи украинцев (?)...

ИК: Значит, значит, значит...

КК: Шли школьники, шли украинцы, дети в школу, дети...

ИК: Значит, кто-то шел, она взяла и попросила. Они за... зажгли...

КК: Спичку.

ИК: Спичку. Вот...

КК: Запалили...

ЮМ: А мацу не пекли сами? Не делали?

ИК: Пекли, пекли. И мацу пекли.

КК: (Нрзб)...

ИК: Да при чем тут это? Это было потом, это уже было потом. А каждый... вот тут, в этом доме, в этом доме пекли мацу. Вот Паска, например – где-то за две недели до этого. Значит. Было корыто у нас деревянное специально, была лопата такая деревянная тоже сделанная. Значит, эту русскую печь растопили. Веничком... это называли, значит, на черине – это был черинь такой выложенный с кирпича это (?)... дровами топили, вытянули шар (?), она уже горячая. Значит, сделали там (ростынь росчинь ? нрзб) это сделали. И качалкой выкачали, значит, это все. И туда в печь. И, значит, была специальная... если не было колесика, то вилочкой накаливали эту мацу. Вилочкой понат...

КК: Это вот... она не ломается.

ИК: А потом оно... выпекли, оно тоненько-тоненько было.

КК: Такая тоненькая.

ЮМ: А угощали вы кого-нибудь ну...

ИК: Ну угощали...

ЮМ: ... там русских, украинцев, румынов там или кто там был?

ИК: Ну людям там... не, как та... румынов не было.

ЮМ: Не было еще, да?

ИК: Тут были украинцы, были русские... и были укра... эти...

КК: Русские люди...

ЮМ: Но они к вам приходили...

КК: Им нельзя...

ИК: Им покамест...

КК: Им до Паски ести мацу не можно. Не дозволяется по ихней религии украинской. Поэтому я знаю, что моя бортовая сказала... угостила она сотрудницу свою в (нрзб) мацой, а она потом смотрит – она валяется в урне.

ИК: Потом это... потом этой мацой... вот эту мацу, значит, спекли эту мацу... были и... и... маца с яичками. Вот...

КК: (Говорит нрзб в отдалении)

ИК: Значит, они спекли это все. Вот пришло Паска. Они... была специальная посуда. Были такие фарфоровые это... и пекли... называлось кигл...

ЮМ: Кигл?

КК: Бабка...

ИК: Бабка, да, бабка.

ЮМ: А, да-да...

ИК: По-еврейски это кигл. Бабка. С этой... так эту неделю нельзя было ни... хлеба ни в чем... дома хлеба совсем не должно б...это все должно было с этого блинчики... ма...

КК: С мацы, с мацы...

ИК: С мацы.

КК: Паска, Паска...

ИК: Все это пе... пе...спе... специально в таких вот... там у меня есть оно дома?

КК: Есть в буфете. Покажи, пожалуйста, что бабку делали. Вот тут в буфете... тут посмотри, кажется, здесь. Посмотри здесь в буфете. Внизу стоит там (нрзб)... не там...

(Перерыв в записи)

КК: Мацу – я не умею. Это его бабушка пекла мацу. (Опять говорит, где стоят формы).

ИК: Только большая была такая вот самая. Вот она такая вот была. Вот выходила бабка. Делали с такой...

ЮМ: А вообще к Пейсаху как-то готовились по особенному?

ИК: Ну значит так. Пейсах, значит... рыбу, рыбу делали. И с... и... вот эту... котлеты делали. Делали... фаршировали рыбу целую.

СЕ: Это называлось как-то, рыба?

ИК: А?

СЕ: Называлось как-то?

ЮМ: Рыба как называлась?

ИК: Ну фиш...

ЕС: Фиш просто...

ИК: Да, фиш. Фарши... это по-еврейски это фаршированный фиш. Котлеты делали. Рыбные. Ну... вот эта, вот эта маца была. Ну что там еще такое? Все.

ЮМ: А приглашали на праздник русских, украинцев?

ИК: Нет. Только ев...

КК: Все общались люди, общались...

ИК: Общались... ну приглашали...

ЮМ: Но праздники справляли отдельно...

ИК: Да...

ЮМ: А в доме что-нибудь ремонтировали к Пейсаху?

ИК: Ну это бы...

ЮМ: Белили, может быть, дома...

ИК: Ну, да, побелили все, чтобы было вот это...

ЮМ: С мебелью что-нибудь делали?

ИК: Нет. Это было... с мебелью-то это все... старое было.

ЮМ: А маца где пеклась? Где хранилась потом, где хранилась.

ИК: Ну, это хранилась, где она хранилась? Не знаю, где она там хранилась. В этих мешочках она была таких. Таких... бумажных мешочках она была. И она там сохранялась. Это... дома (?)... С нее (нрзб) ну делали вот эту рыбу фаршированную с ней.

ЮМ: А вот говорят еще, что в мацу кровь добавляют, русские говорят...

КК: Неправда.

ИК: Никто ничего... только вода и все.

КК: Так вот, так вот я читала. Дело Бейлиса. Было дело Бейлиса. Вы слышали ка... что обвинили инженера Бейлиса в том, что он убил ребенка украинского. А потом выяснилось, что этот (этого) ребенка убили верующие до него, которые приносили жертву. Были такие вер... (нрзб). А этот инженер не виноватый был. Его оклеветали вот инженера. Потом его суд оправдал.

ЮМ: А вот русские об этом говорили, что они ни... допустим, мацу не будут пробовать, потому что там кровь.

КК: Вот такие некоторые бывают. Некоторые. Некоторые люди говорят, что не буду есть мацу, что там крови есться. Это неправда. Там вода, вода, (нрзб) вода.

ИК: Никакая, никакая... Это неправда все. Соли никакой... все.

КК: Вода. А вкус... берете немножко яйца туда при желании, но...

ИК: Ну, были, были, пекли мацу с яи... с яичком...

КК: Не положено... вода, только вода. Вода и мука.

ИК: Было такая, да, толстая тоже...

КК: Там же в пустыне не было яичка, в пустыне.

ИК: Нет, ну так... они уже так.

КК: Ведь вышли из рабства, видишь, люди.

ЮМ: Это уже кто уже...

КК: Что имели, то они себе кокнули там. Что смогли. Наш... у них было... (нрзб) убегали (нрзб), убегали. Там муки что-то... поймали муку и убежали. А там же пустыня... там была жарница большая. Была... (Кто-то пришел, пошла отгонять собаку).

ЮМ: А седер пасхальный по правилам отмечали? Когда бабушка вот жива была? Седер пасхальный. Седер... соблюдали все.

ИК: Не, мы так не... не... не соблюдали. Мы просто...

ЮМ: Там картошка вареная должна была быть, салат там...

ИК: Не, вот это... это наверное, я вам скажу одно... это наверное, там у них в Израиле это все такое. У нас это не было... у нас было вот это рыба, была маца, было вот это – кигл что делали. Это у нас было. Но такое – у нас то этого не было. Ни... ни этой картошки, ни... не было.

ЮМ: Понятно. А еще какие праздники – вот вы помните – соблюдались в вашей семье?

КИ: Ну...

ЮМ: Еврейские?

ЕС: Йом Кипур соблюдали?

ИК: Ну Йом Кипур что это...

ЮМ: Ну вот какие вы помните?

ИК: Ну вот Судный, Судный День...

ЮМ: Судный день, да...

ИК: Вот, Йом Кипур. Значит что, как это получается? Моя бабушка, она, значит, была такая набожная она. Вот. Судный День – она шла в синагогу. У нас была тут по Шевченко...

ЮМ: А синагога где...

ЕС: По Шевченко, да...

ЮМ: ...где она была?

ИК: Вот это не синагога, ну просто нанимали... Это до войны. Было... была синагога, была где-то тут и возле базара у нас была синагога.

ЮМ: А до войны бабушка жива была, да?

ИК: Ну да. Она умерла... она умерла, значит, одиннадцатого октября шестьдесят четвертого года. Понимаете?

ЮМ: Угу. Пережила войну здесь?

ИК: Да. Она была в лагере. Она была в Печере в лагере. Моя мама была в Печере в лагере. Были дети у них...

ЮМ: Ее не смогли здесь укрыть...

ИК: А?

ЮМ: Спрятать не смогли?

ЕС: Ее здесь не прятали украинцы?

ИК: Тут никого евреев не прятали. Тут всех выгнали в Печеры. В Печерах – там был лагерь. Значит, в этом лагере, в этом лагере, там был забор такой. Там были полицаи. Они не выпускали. Они их, значит, туда запустили, и там они все умирали. Они не... не... кушать не давали, они ничего. Евреи (?)... когда те были моолдые, они прыгали через забор и шли. Там были, значит, села. Когда они шли на... это... они шли назад, назад. Там же были дети. Дети в лагере. Они же не могли их оставить никуда. Все равно. Куда ты не пойдешь, везде были румыны, были немцы. Значит, тут было в Печере, лагерь. Тут были румыны, а там есть еще, через Буг были немцы. Вот. Там... ко... когда те пошли, значит, хотели воду взять на... в Бугу... зима. А там уже и с... этого с конца (кольца?) уже стреляли. Понимаете, как были. И вот люди вот эти и шли по селам. Просили. Кто дал картошку, кто-то кусочек хлеба. Когда полицай поймал, он... и били их, и все. И сидели умирали. Вот... там же не было света, как сейчас там... вот стали ногами – ага, никто

не сказал ничего – значит умер. Кто сказал – ага, он еще живой. Селили... как в коробке лежали, как в коробке. Как селедка. Вот и все.

ЮМ: Угу... ваша бабушка вот выжила просто после этого...

ИК: Да. Тут были... тут много выжили.

ЕС: Ну вот расскажите вот и праздники что, как они... вот...

ИК: Вот Йом Кипур – когда был Судный день, а вот она... вот она пошла в эту синагогу. Она там, там... значит, люди все были, значит... была одна комната для мужчин, одна комната – для женщин. Для женщин. Тут молились женщины, тут молились мужчины. У них были такие накидки. Там были эти армурки на голове...

ЮМ: Ермолки, да?

ИК: Арму... да, армолки.

ЮМ: Кепа?

ИК: Кепа или что... кipa – там были эта армолка по ихнему. И вот они...

ЮМ: А одежда какая была? Нарядная?

ИК: ?

ЮМ: Ну праздничная, да?

ИК: Ну праздничная одежда. И была такая ну них, как называется, толы. Такая... толы или это... такая накидка специальная. И книжки были. С книжками. Они там по-еврейски читали. У них были такие специальные книги. Эти толасы или что? Или как их называют. Эти книги. И они молились там. Они молились. Значит, бабушка покойная пришла, например, в шесть... в полшестого... в синагогу и пришла вечером, когда... а сядились кушать, когда э... вышла первая звездочка...

ЮМ: А до этого не ели?

ИК: Нет. Суд... это Судный День был. Это значит Бог судит эту вот... это Судный День...

ЮМ: Раскаивались...

ИК: Да. Ну вот... а у нас еще, значит, до этого, кажется, праздника должны идти на кладбище. До, кажется, до двадцать... в сентябре... не помню – или двадцать седьмого, или двадцать восьмого числа. Потом она кончается это, через три дня снова. Это значит везут... у нас были специально люди, человек, он, значит, делал... ну... молился. Вот значит вот, например, вот моя мама, мать умерла. Он... вот кто-то его позвал, он, значит, делал ему это вот... молился. Чтоб, например, чтоб дали мне, например, здоровья и это... был такой человек...

ЮМ: Он, он молился специально для всех?

ИК: Да. Да.

ЮМ: У Бога просил...

ИК: За... за... он молился ке... (?), чтоб вот эти покойники дали здоровья вот это...

ЮМ: Ага. А вот на большие праздники приходили помогать, может быть, русские, украинцы. Деньги им платили за то, что они помогали, что-то делали?

ИК: Нет, нет. Нет-нет. этого не было.

ЮМ: Вот нам рассказывали, что евреи сами не любили там строить, допустим, и звали там русских, украинцев.

ИК: Что, что строить?

СЕ: Дома...

ЮМ: Дома...

ИК: Ну дома – так это строили всегда. Э... русские. Дома – это строили русские. Э... коммерцией занимались евреи. Значит, в магазинах... они были так... в магазинах работали, они были стекольщиками. Они были стекольщиками, они были жестянщиками, значит, шапочниками, портные они были вот...

ЮМ: А врачи?

КК: Мастеровые, мастеровые...

ИК: И... и... и врачи были евреи.

КК: А то как... прокурором...

ИК: Ну я не знаю – прокурором...

КК: Евреи были адвокаты, прокуроры...

ЮМ: Очень хорошие такие должности... занимали евреи.

ИК: Да... врачи были... были врачи, были... и врачи были тоже.

КК: Они... Высшее образование у евреев.

ЮМ: А вам... а завидовали вообще вот остальные все как-то...

ИК: Ну кто там...

ЮМ: ...что все высокие должности занимали евреи...

ИК: Да... ну так...

КК: Это... если это врач – о-о!

ЮМ: Говорили, да?

КК: ...ваши евреи физики, ваши евреи физики, ваши евреи атомщики, сделали атомы евреи, сделали мо... люди, нехорошие вы люди. Вы людей не щажаете (?), вы атомы придумали, евреи придумали атомы. Атомную бомбу евреи придумали. Ядерную, атомную – физики евреи. Ну... Просто люди такие, что можно сделать.

ЮМ: Ну только (?) в основном все нормально было, дружеские отношения...

ИК: Было... Дружеские...

КК: Дружеские...

ИК: Ничего не... ходили туда-сюда... они никто, никто... понимаете?

КК: (Нрзб) Дружили... заводили дружбу...

ИК: Никто не ходил, никто было... были... тогда люди, евреи жили по селам тоже. Не по селам жи...

ЮМ: В своих местечках... просто да?

ИК: Да... вот были значит в Томашполе были, были в других селах, были евреи... жили.

КК: Очень много евреев были в Бершеде. Очень много евреев жили в Бершеде.

ЮМ: А вот здесь в Тульчине были какие-то районы специальные? Как, делились – еврейские, не еврейские?

КК: А, называется Цивконивка (?)... Цив...

ИК: Что Цивконивка?

КК: Очень, где именно населенный пункт евреев. Именно там, где сплоченность евреев, называлось в такое время Капцанивка называлось, кажется – во!

ЮМ: Как? Капцанивка?

КК: Да...

ИК: Не, не-не-не... не...

КК: Почему же не?

ИК: Это были евреи везде...

КК: Не-не, Юра, там именно много евреев было – эта улица. Кажется...

18.22.

ИК: Ну было какая-то улица, называлась Капцанивка... вот там, какая-то там...

КК: Что много евреев жило вместе, так называлась Капцанивка.

ИК: Ну улица...

ЮМ: Улица здесь такая?

ИК: Было там...

ЮМ: Или район какой-то?

ИК: Это было там, где у...

КК: Такой район был, где очень много евреев жило. Почти одни евреи.

ИК: Там были...

ЮМ: То есть таких районов было несколько. И все называлось Капцанивка?

КК: Да, там где очень много евреев.

ИК: Капцанивка – там улица такая, называлась Капцанивка.

КК: Где именно проживали евреи. Это место, где евреи проживали. Это район именно. Назывался Капцанивка по-еврейски.

18.55.

ЮМ: А вот ваша бабушка, она жила в этом доме?

ИК: Да.

ЮМ: И здесь были вперемешку все – и украинцы, и евреи...

ИК: Были... были эти... были – да. Вот, вот украинцы были. А... а все были. Вот эти все дома, вот эти все тако... тако... были, были почти все евреи. Все. Вот это, вот это вот...

ЮМ: Это такой район, еврейский все-таки?

ИК: Да, да везде, везде. Сюда идешь, туда идешь, нигде не было, чтоб не были евреи.

ЮМ: А центральная улица была вот здесь вот или нет?

ИК: Нет.

КК: Нет. Это (нрзб) этого...

ЮМ: А рынок, рынок где был раньше?

ИК: Вот. Рынок так и был.

КК: Не было рынка...

ИК: Так и был рынок.

ЮМ: А кто там вокруг него селился?

ИК: Евреи были.

ЮМ: Евреи вокруг...

ИК: Евреи были. Вот где... вы были в городе?

ЮМ: Да.

ИК: Там у ни... есть «Огонек». Вы же видели? Это было когда-то ста... старое... там было помещение. Там было много тоже и русских, и евреев было. Там все были эти вот...

ЮМ: А по селам евреи где селились в основном?

ИК: Ну были евреи, были там...

ЮМ: Ну где любили селиться?

ИК: Ну, я знаю туда...

КК: В Шпикове жили очень много евреи, Шпиков...

ИК: В Шпикове были.

КК: Село Шпиково. Район раньше был, район Шпиков.

ИК: Ну потом чего-то район перестал...

КК: Был район, теперь стал село.

ИК: Потом это...

КК: Много евреев проживало...

20.04.

ЮМ: И синагога тоже здесь была рядом?

ИК: Была, была синагога там...

КК: Синагога, Синагога только в Бершеде...

ИК: Не, но это... зараз еще осталась... а была... вот тут возле базара - где-то было там... на старом базаре было тоже.

ЮМ: Две синагоги было до войны еще в Тульчине было?

ИК: Были, да, да, были... в Тульчине...

ЮМ: А в советское время их оставили, их не пытались разрушить...

КК: Разрушили...

ЮМ: При советской власти, да?

ИК: Не, не, их не было, не было...

КК: Разрушили, здесь... разрушили, снова (?) разрушили... возле базара, базара ее разрушили.

ЮМ: Это в каком примерно...

КК: Не знаю... В каком году разрушили синагогу возле базара?

ИК: Ну я знаю, что...

КК: И теперь они хотят строить здание и они его строят и достроить никак не могут его. Раз строят, строят, бросают. Но это место – как бы Бог наказал, чтоб оно не строилось.

ЮМ: Плохое место?

КК: Они нарушили закон Божий. Они... они поломали синагогу. Вот это, вот это место – проклятое место, Богом проклятое. И там строится здание, и они его бросили строить. Не могу достроить здание. Бог не дает им это здание достроить.

ЮМ: И... кто строит – с ними что-то плохое случается, да?

КК: Не знаю, но здание бросили...

ИК: Ну не построили...

КК: Здание не до... не достроили...

ИК: То ли у них денег не было...

КК: Здание не построили...

ИК: Может, денег не было что ли...

КК: Оно не достроится никогда. (Нрзб) оно валится, это здание. Не достроится – валится. Бог не дает им на это благословение. Потому что наказание – что они... они повалили синагогу в этом месте. Это дело... это святое дело повалили – нельзя повалить синагогу, а они повалили. Вот они не могут то здание достроить.

ЮМ: А вот название у Тульчина было какое-то еврейское? Или всегда Тульчин назывался?

ИК: Ну Тульчин...

КК: Это, это... именно Тульчин это происходит от имени – тут проживали турки, турки здесь были.

ИК: Турки, турки...

21.40

КК: От слова турлчин, турчин. От слова турки. Здесь есть подземный ход, в Тульчине, подземный. Хода есть, да. Тульчин находится на подземных ходах, весь. На подземных ходах.

ИК: Он на... весь, весь... эти вот...

ЮМ: А зачем строили?

КК: Это турки...

ЮМ: Турки строили?

КК: Идеальные (?) подходы...

ИК: Суворов тут был... знаете, да?

КК: Полководец Суворов, полководец Суворов. Это двенадцатый год. Двенадцатый год. И они, турки, имели с ним дело. Они построили подходные... в подземелье там... ходы. Теперь вот... если человек строит здание – так оно проваливается. Проваливается. Везде тут... так у на... идет.

ЮМ: А вот ваша бабушка, она работала?

ИК: Нет.

ЮМ: Нет? А муж ее?

ИК: Не... А мужа – я не знаю, муж...

КК: На фронте погиб...

ЮМ: А, дедушка ваш погиб...

КК: На фронте.

ЮМ: А она про него не рассказывала?

ИК: Не, не.

ЮМ: Ничего не рассказывала?

ИК: Нет.

ЮМ: А под синагогой подземные ходы были?

КК: И вот его... его отец, его покойная мать... они были женаты до войны. Мать имела одну семью, отец имел другую семью.

ЮМ: Евреи были все?

ИК: Да, они были евреи.

КК: И вот... его отец ушел на фронт, его отец – на фронт – покойный, а его жену и детей двое...

ИК: Забрали в лагерь...

КК: Бросили в гетто. В лагерь, в лагерь в Печорах. Дети там умерли. В лагере умерли. И жена там умерла его. А его мама тоже тоже попала в концлагерь в Печорах. И там ее ребенок умер. А потом, уже когда война уже кончалась, они уже на фронт пошли обои, их освободили – ушли на фронт. Мама (нрзб) на фронт ушла.

ИК: Не, она не была на фронте...

КК: Не, немножко была...

ИК: Она была...

КК: Работала...

ИК: Там... в этом...

КК: Немножко работала в медпункте, там работала немножко. Она, она работала медицинской части, там в Будапеште. Потом, когда пришла с войны, мать его, она вышла замуж за его отца. И они соединили свои жизни. Он имел горе, она имела горе. Она потеряла одного ребенка. А отец потерял жену и ребенка, потерял отец его. Убили немцы. Так у него, его отца, дети находятся в Печоре. Его братья – он их не знал, конечно. Находятся в Печоре.

ЮМ: Сводные, по отцу братья?

КК: По отцу. Отец был женатый до войны – жену и детей убили в Печоре.

ЮМ: Они где-то похоронены или...

КК: В Печоре.

ЮМ: В Печоре. Там... там общая могила или...

КК: Там общая братская могила. Такая здоровая там...

ИК: Там в лесу.

КК: Там в лес... в лесу...

ИК: Там расстреливали...

КК: Такая поляна там большая. Памятник – мать, мать. Тако стоит мать, тако стоит печальная такая в платке. Стоит мать. (Нрзб) мать стоит. Печальная мать. И такие, значит, братские могилы, братские. И когда людей убивали, так некоторые были не убитые еще, так земля еще сдирала (?), земля сдирала.

ЮМ: А вообще вот про еврейские похороны вы что-нибудь помните? Как хоронили?

ИК: Евреев хоронили... значит, так... тут у нас было... (КК говорит неотносящееся к интервью). Ну так у нас был человек специальный. Он шил

КК: саваны...

ИК: ...шил саваны, называли все. Это костюм белый и с белыми тапочками... были...

КК: Это мешок такой, Юра! Это не костюм...

ИК: Нет, это костюм был. Ты не знаешь, я знаю...

ЮМ: А на какой день хоронили вообще?

ИК: Ну е...

ЮМ: Человек умер – сколько дней должно было пройти, чтоб похоронить.

ИК: Ну на другой день они хоронили.

КК: Нет.

ИК: Что нет?

КК: Сразу хоронили. Нельзя евреев держать.

ИК: Кто... нет, держать...

КК: По закону не держат евреев.

ИК: Нет, евреев держать... Так это там, может по закону.

КК: В Бешедде – там синагога есть, там евреев умерших хоронят...

ИК: А че... нет, никогда не хоронили... ах... зачем эти разговоры. Никто не хоронили...

КК: (Нрзб)...

ЮМ: А как у вас было, расскажите.

ИК: Так я же вам рассказываю. У нас сегодня приносили похо... сегодня умер, завтра собрали... он сшил эту одежду, тапочки и это все. Саваном называлось. Вот это... брали лесты... была такая, как лестница. Ложили этого покойника. И полусидя...

КК: Такие две полоски, такие две полоски, палочки. Две перемычки.

ИК: И пе... и полусидя, полусидя, полусидя его...

КК: В яму. В яму.

ЮМ: А почему полусидя? С чем это связано?

КК: А так перед Богом стоит. Перед Богом.

ИК: Вот. И там были – вот когда будете идти на кладбище. Там есть старое кладбище и новое. Вот в старое кладбище зайдете, посмотрите, там есть...

КК: На иврите...

ИК: Там не иврите. Там уже вот... у нас был специальный человек. Значит, его... он набивал эти памятники. Вот эти... камень... кусок... камень. Он набивал. Значит, его было...

КК: Вы умеете читать на иврите?

ЮМ: Да.

КК: Умеете, да?

ЮМ: Мы учим. Да.

КК: Я дала парням. Две книжки дала парням. Подарила. Я им эти книжки подарила на еврейском языке. Я же не умею читать.

ИК: А ну (нрзб) принеси вот

КК: Я их подарила...

ИК: ...те книжки... А ну покажи, что это такое, то, что у меня... а ну покажи.

КК: А, то свитки Торы.

ИК: Ну покажи...

КК: Вы умеете читать?

ИК: Ну покажи.

ЮМ: Немножко посмотрим. А вы нам пока расскажите про похороны...

СЕ: Да, про похороны, про кладбище. Говорят, что евреи во время похорон боялись колокольного звона.

ИК: Никто ничего ника... колокольного звона ничего не боя...

ЮМ: Не боялись...

ИК: Значит, привезли его, на санках привезли. Там у нас... будете идти – есть этот... даже...

ЮМ: вы же видели эти похороны, да? Вы рассказываете, как видели?

ИК: Так я же видел, я же сам видел. А сейчас новое кладбище. Там еть, там самый...

ЮМ: Как раньше было...

ИК: Да, довели его до моста. Оттуда его на санках везли. Там... там... ни машина не зайдет, ничего. На руках занесли туда его. И там его хоронили. В эту положили его. В это... там даже есть эти... склепы. Старинные склепы. Вот в этих склепах и ло...

ЮМ: Угу, а что там в склепах? Там несколько человек лежат? Или...

ИК: Ну его похоронили, вот этого человека, который умер. В склепах похоронили.

ЮМ: А похороны вот – женщин, мужчин, детей, мужчин отличались друг от друга чем-то?

СЕ: Традиуия...

ЮМ: Или всех одинаково хоронили?

ИК: Ну как...

ЮМ: Всех...

ИК: Всех. Только... видите, у нас хоронили всех... вот в Израиле так хоронят отдельно площадь мужчин и отдельно площадь женщин. А у нас...

ЮМ: А вот девушек когда молодых хоронили незамужних, были какие-нибудь специальные молитвы или обряды...

ИК: Ну там вот... вот этот человек, когда он... значит, он умер, так? Приходил специальный человек. Вот он читал молитву. Ну как... у украинцев – поп приходил, так и он. Он делал... как называлось... сейчас я вспомню. Молитва по-еврейски... забыл как... ну... я забыл, как... вот он прочитал эту молитву – тогда могли похоронить. Тут он дома. Потом на кладбище положили. Во т это, он тоже прочитал эту молитву. В потом он, значит, сюда засыпали. Потом, когда он, значит, этот человек когда умер, так приходили, значит, резали рубашку его. И сидели целую неделю на полу в носках. И, значит, как это по-еврейски? Ши... ши... шимают.

Ж: Симают...

ИК: Как? Симают... шимают. Как?

Ж: Шимают...

ИК: Симают, симают. Целую ночь и целый день ты сидишь. На полу...

ЮМ: Это близкие родственники?

СЕ: Миньян – десять человек, да?

ИК: Нет. Са... вот, например, человек... ну вот отец умер. Вот ты сидишь и целую неделю. Ты не... месяц ты не должен бриться. И...

ЮМ: Траур...

ИК: Траур. И сидеть симы (?) целую, целую неделю. Ты сидишь на полу и шимаешь. Ты не имеешь права встать. Тебе приносят только кушать. И ты шимаешь.

ЮМ: Вот близ... близкие родственники, вот семья, да?

ИК: Да. Ну ты, семья, ну вот, например, я там... это кто еще есть. Он должен сидеть.

ЮМ: А с собой давали покойнику что-то вот?

СЕ: Клали в могилу, нет?

ИК: Нет. Ничего не клали.

ЮМ: Без гробов просто в землю.

ИК: Да, просто так положили и все. Ну, в Израиле же так – взяли, посадили... положили его, и все. Накрыли крышками.

ЮМ: А музыка была какая-то там?

ИК: Музыка...

СЕ: Клезмеры пели, может быть...

ИК: Нет, клезмер был... клзмер был на... на свадьбах.

ЮМ: А на похоронах – нет?

ИК: Нет.

ЮМ: А на похоронах – нет, музыкантов не нанимали?

ИК: Нет.

КК: (Угощает собирателей, разговаривают о праздничной посылке из Германии. Речь идет непонятно о чем, то, что нельзя было вывозить, видимо, о каких-то книгах, который девочки читают)

КК: Читают дети, молодцы. Они знают мертвый язык, мертвый.

ЮМ: Ну он сейчас уже не мертвый.

КК: не, но вы его оживили, вы, дети оживили его. Они его оживили. Сказано в Торе, что придет время, что язык мертвый оживет. Он же мертвый был. Его не знали, забыли евреи.

(Собиратели зачитывают и переводят текст, согласно которому все права на этот текст защищены, кто хочет перепечатать, он должен просить разрешения).

КК: А, это оригинал что ли (нрзб)...

ЮМ: Это издание, как бы книга...

КК: Это оригинальная книга, да? А какого года она, эта книга?

ЮМ: Там не сказано... но это печатное издание, но...

КК: Оригинальное, да? Это оригинал?

ЮМ: Угу, угу...

КК: Ты слышал, оригинал это.

ЮМ: напечатано в Израиле. (Читает на иврите)

КК: Это в Израиле напечатано?

ЮМ: Напечатано в Израиле, вот эта книга напечатана в Израиле.

КК: Вот интересно. Ты смотри на...

ЮМ: А это, по-моему, свиток Эстер вообще...
СЕ: Нужно посмотреть...
КК: Умные дети, дети хорошие. Вот какие дети, умницы.
ИК: Вот иди учися.
КК: Они умницы, дети, умницы.
ЮМ: Напечатано и переплетено как бы в Израиле.
ИК: (Нрзб) я не могу понять, куда их... куда-то они...
КК: Преподавать будут...
ЮМ: Это свиток Эстер.
КК: А вы кончите, кочите университет – где будете преподавать?
ЮМ: ну может, в школе. Я в Израиль собираюсь уезжать.
КК: Умница – в Израиль уезжает, вот умница.
ЮМ: Вот это Пурим праздник – помните, да?
КК: Да, есть Пурим, да.
ЮМ: А вы про него чего-нибудь помните?
КК: Эстер, Эстер... благодаря ей евреи спаслися. Осман, хотел решить (?) евреев, Осман.
ЮМ: А в этот праздник приходили музыканты?
КК: Прихо... да, приходили. К нам в общину, к нам.
ИК: Нет, так это в общину...
КК: А, они, они спрашивают про...
ИК: Это все им надо старинное, а не теперешное. Что теперешнее?
ЮМ: Да, нам надо...
ИК: Им надо все, что было тридцать-сорок лет тому назад.
КК: А (нрзб) азываются клезмеры, клезмеры. (Угощают).
ИК: Им надо не теперешнее. Что теперь тут? Тут взяли это шо... нормально что что-то сделано? Им надо сорок лет тому назад тут чего было...
КК: Ой, были барабанщики еврейские – помню в детстве...
ЮМ: Барабанщики были?
КК: Ну барабан имели, имели флейты еврейские...
ИК: Вот у нас было, у нас было, у нас было... значит (угощают)... у нас было, у нас было, значит, это клезмер. Вот это была свадьба. Евре... были... музык...
ЮМ: А вот про свадьбу расскажите.
ИК: Были музак... музыканты были еврейские. Вот, значит, тут уже ходили... (смеется) как сказать, какие (?) люди... было вот это, шо... Брауерман, они были так... нет... ну были девочки, девочки. Я там был, там уже... (Разговаривают о неотносящемся к интервью – КК сватает племянника)...
ИК: Они там разбирются... Слушайте меня. Значит, были евреи, они были...
КК: (Выясняет, кто жених собирательницы и говорит, что тот правильно сделал, что уехал в Израиль)

ИК: Значит, были... Вот у этого была флейта и был барабанщик-еврей...
Один...

КК: Вы едете в Израиль?

(Вторая собирательница отвечает, что думет. КК предлагает познакомиться ей с ее «племянником-красавцем», который живет в Израиле).

ИК: ... Тут были специальные люди, они эти... как их называли... они соединяли специальный...

КК: А-а... свахи, свахи, свахи, свахи...

ИК: Еврейские эти...

КК: Как они называются. Ой, забыла...

ЮМ: Вот мы скажем вам, мы даже скажем...

КК: Вот они знают. Вы же все знаете, дети.

ИК: Ну это им дали, так они...

ЮМ: Мехутонесте...

ИК: Да...

ЮМ: Мехуtone...

ИК: Да...

СЕ: Не-не... это они, свахи, да...

ИК: Ну не, эти свахи, он соединяли...

ЮМ: А, или шот...

ИК: Шотнехе, шотнехе...

КК: Шотнехе, о...

ЮМ: Шот-не-хе...

ИК: Да. Это они были вот эти...

КК: Знакомили девочку с мальчиком, знакомили.

ЮМ: Как знакомили. Их, наверное, не знакомили...

СЕ: Искали еврейские...

ИК: Да...

ЮМ: Они до свадьбы-то друг друга видели, нет?

ИК: Нет. Нет.

КК: Они... как это нет? Их знакомили, детей...

ИК: Правильно, но и...

КК: Шо! Их знакомили, детей. Если они друг другу нравились, значит, они женились. Не заставляли нас... нас... насильно жениться. (Нрзб) с этим мальчиком. Он тебе нравится – ты значит, ты – согласие. Ты ему нравишься, понимаешь...

ЮМ: А вас (?) когда (нрзб)...

ИК: Они нас познакомили...

ЮМ: Вы сами познакомились?

КК: Не, нас познакомили тоже. (Нрзб) познакомили нас (нрзб)...

ИК: Значит, и... и приехали... значит, я приехал с Тульчина...

КК: В Тульчин... В Бешед...

ИК: В Бешед...

КК: И там у нас была (нрзб)...

ИК: И там у нас была девушка одна. Так она познакомила.

КК: Она познакомила нас.
ЮМ: А подождите, вы жили в это время...
КК: В Бешедде.
ИК: В Бешедде.
ЮМ: И родились вы...
КК: В Бешедде, да...
ИК: В Бешедде. Они бешадские, я а тульчинский.
ЮМ: А, а в вашей семье соблюдались еврейские традиции?
КК: Бабушка соблюдала моя, бабушка...
ЮМ: И в вашей...
ИК: Да.
ЮМ: Ну бабушки – да.
ИК: Бабушки... А эти уже...
КК: У нас там синагога была в Бешедде двухэтажная старинная (нрзб)...
значит, женщины молятся отдельно, мужчины молятся отдельно.
ИК: Ну что там еще...
КК: По такому обычаю. И свадьбы сидят, свадьба... в Израиле (?) идет –
женщина отдельно в зале, и мужчины отдельно в зале. Празднуют.
ЮМ: На втором этаже обычно...
ИК: Там были полуподвальные помещения, там... это отдельно то,
отдельно то (?)...
КК: Да-да. Запрещается, запрещается вместе праздновать. Такой обычай.
ЮМ: Ну и вот – приглашали приглашали музыкантов...
СЕ: Кто приглашал вообще свадьбу организовывать? На свадьбу
приглашали других ну... украинцев или русских, кого-то...
ИК: Нет, нет...
СЕ: Не. У нас было... у нас было вот...
КК: Я не знаю, конечно...
ИК: Что?
КК: Ну это я не понимаю (?) еще, я не знаю, я еще молодая.
ИК: У нас было... были две женщины, еврейки. Они специально делали,
значит, свадьбу.
КК: Свадьбу. Пекли...
ИК: Пекли. (Имя нрзб) и еще одна была.
КК: Да, сарверне... сарверне.
ИК: Сарверне. Специально еврейское сараме.
КК: По-еврейски ну это сарверне. А тогда... Это сарверне... это...
ИК: Они пекли...
КК: А по-русски – повар.
ИК: Они пекли, они все пеки.
ЮМ: Как?
КК: Сарверне...
ЮМ: Сарверне?
КК: Да. Они пекли...
ИК: Они пекли... они сказали так...

КК: Варили, пекли все.
ИК: Варили и пекли. Штрудн, плудн... у-у...
КК: Такая вкуснятина.
ЮМ: Это что такое? А расскажите поподробнее.
СЕ: (Смотрит в словаре) А вот сарверн – повариха.
ИК: Повариха...
КК: Да-да-да. О. Умница, нашла. Вот ребенок умный. Девочка хорошая.
Господи (нрзб)...
ИК: Мы тоже умные. Нас (нрзб) в синагогу, мы тоже будем умные. Мы будем тоже умные.
КК: Я говорю, какие дети хорошие...
ИК: И, значит, они специально, вот они сказали вот – я женюсь (?)... вот э... вот они материсказали... значит так... столько принести...
КК: Муки...
ИК: Муки. Столько принести это...
КК: Ну чтоб (нрзб)...
ЮМ: Продукты...
ИК: Да, продукты...
ЮМ: ...приносили, они все готовили...
ИК: Они делали все, они делали. Они пекли плудн, штрудн...
КК: А бисквиты какие пекли...
ИК: И потом и... по-еврейски лэйках (?).
КК: Бисквит, это бисквит...
ЮМ: А лэйках это что такое?
КК: Бисквит.
ИК: Бисквит...
КК: Такой желтый – бисквит.
ИК: Есть еще... я не знаю – у вас есть... как-то по... по-еврейски...
черный лайкер...
КК: А-а, черная лайках, черная лайках. Медовик, медовик.
ИК: Да, медовик.
КК: Она идет с медом. С медом идет. Там мед туда входит, в медовик.
ИК: Вот там это пекли, это... еще...
КК: Лейках – это...
ИК: И вот это, шо они бейгалах...
ЮМ: Бейгалах?
ИК: Да. Это, значит, пряники. Пряники... такие они...
КК: Дырочка в середине, дырочка в середине и посыпаны... сахаром
посыпаны, сахаром посыпаны.
ИК: И там это вот... они с сахаром, они с корицей.
КК: Корицей посы... корица, да.
ИК: Сахар с корицей.
КК: Сахар с корицей посыпаны сверху.
ЮМ: А приданое должно было какое-нибудь быть у жениха и у невесты?
ИК: Ну, может, давали. Я не знаю точно. Или давали они...

КК: Мама давала дочке что-то – давала одеяла...
ИК: Давала подушки...
КК: Давала подушки...
ЮМ: А невеста ехала к жениху жить или...
ИК: Ну (нрзб)... Как... как... кто ехал туда, кто сю... тот сюда.
ЮМ: Ну кто имел возможности...
ИК: Да, возможности.
ЮМ: Тот ехал, тот ехал...
КК: Ну кто был... кто (нрзб) живет...
ИК: Да, кто лучше живет... вот эти это...
КК: Примерно я, примерно... мама мне дала одеяло, дала мне подушки... так мама дала мне, подушки, одеяла дала мне мама.
ИК: У нас тут были резники специальные. Курей режут.
КК: Да. Да.
ИК: И делали обрезание.
ЮМ: Это, наверное, разные делали люди – обрезание и кур резали.
ИК: Как это... Нет. У нас был шойхет.
КК: Один человек, шойхет.
СЕ: Ага. И он все это делал, да?
ИК: Он делал, он делал обрезание. И там сколько... где-то...
КК: Они для этого специально (нрзб) специально готовятся. В конце лета. (Нрзб) не кончают.
ИК: Где-то семь дней.
ЮМ: Сколько человек в обрезании участвовало? Неважно сколько?
ИК: Нет, он, кажется, один делал обрезание.
ЮМ: Ну вот в самом... церемонии – там женщины, например, присутствовали?
КК: Нет, нет.
ИК: Нет.
КК: Мужчины.
ИК: И... и... понимаете, тут я знаю одно... тут один человек делал. В Израиле – я слышал – ну вот когда вот это мой земляк (?) – обрезание там делали, значит, там были, значит...
КК: Муж был, муж...
ИК: Муж и...
КК: И дедушка...
ИК: Дедушка. И это, и двое человек, которые делали и за... и... (нрзб)...
КК: Один, один его делал, обрезание...
ИК: Один делал обрезание.
КК: Один.
ИК: Вот. Ну тут один делал.
КК: Специальный и (?) верующий (?)...
ИК: Он резал и кур и делал... у нас два было... два этих шойхета были, они резали курей.
КК: Ну только кур. А по людям...

ИК: Какие? Нет.

КК: Один, человек один...

ИК: Один че... и два...

КК: Я не понимаю (?), может, один.

ИК: Тот не делал...

КК: У него специальное образование было, специальное образование...

ЮМ: А обрезание делали в синагоге...

ИК: Нет, он делал каждому на...

ЮМ: На дому?

ИК: На дому он делал. Синагога же не была. Это, может, до войны была синагога – делали. Это.. а у нас делали... синагога... эти... ну каких когда... значит, я сорок седьмого. В этом сорок седьмом делали... я не знаю. может, до пятьдесят пятого, может пятьдесят...

КК: Такие старинные памятники. Там сказано очень интересно, что я – дочка такого-то такого-то. Отец такой-то. Э... и дочка такого-то такого-то нате – там все написано на иврите, там на иврите написано. Там на кладбище.

ИК: Ну это надо там это вот... смотреть. Они... там написано.

ЮМ: А на кладбище как, можно в любое время ходить?

КК: Я вас заведу, там я схожу с вами (?) на кладбище. Вы скажите, когда. Мы с вами на кладбище пойдём. Тут близко.

ЮМ: Ну давайте...

КК: Давайте вас заведем на кладбище в любое время. В субботу нельзя, в субботу. В субботу нельзя.

ЮМ: А вы соблюдается сейчас субботу?

ИК: Не... ну евреи не идут...

КК: В субботу Бог запретил (?) кладбище...

ИК: В субботу не хоронят...

КК: Нельзя.

ИК: Вот, и умер... вот например... вчера была пятница, сегодня – суббота. Все, сегодня ты не хоронишь. В воскресенье.

КК: Нельзя.

ИК: Евреи не хоронят в субботу.

ЮМ: А вот хоронили только на еврейском кладбище вот раньше или на... христианском тоже...

ИК: Нет, нет. Тут есть старинное кладбище...

КК: (Нрзб) кладбище еврейское...

ИК: Тут, наверное, лет сто пятьдесят если не больше...

СЕ: А вот что...

КК: Только на еврейском кладбище.

СЕ: Всякие истории, если вот там неправильно похоронили или похоронили на другом кладбище, что вот покойник ходит там, снится...

ИК: Нет, нет, никто...

КК: А-а, я знаю. Я знаю, папа... вот это... у нас была одна семья бедная. И вот когда ее сестра умерла, Тая умерла, так она ей снится часто. Почему? Потому что она не поставила ей памятник. Никакой памятник не поставила.

Совсем ничего. И она ей приснилась. Говорит – Маня, пожалуйста, укрой меня, я вся мокрая лежу.

ИК: Ну это, нет... это только человек, который плачет за...

КК: Она ничего, не... подожди, подожди... она, она просто... что плачет? Дала понять, что – укрой меня, потому что я мокрая. Дождь идет, она... на нее ляется (льется) вода. Дай какое-то прикрытие, дай мне какое-то. Что, что-то есть. Бог есть Бог. Что-то есть. Ну я сказала... ты мне укрой, мне мокро. Она имела, откуда ставить памятник. Она ее забрала с собой. Она забрала ее.

ЮМ: Как? Умерла тоже?

КК: Она умерла, (нрзб) забрала с собой. Понимаете, она... что-то есть. она ее забрала с собой. Она ее забрала, сестру.

ИК: Ну, может...

КК: Это правда, она... все же есть. Это правда. Это у нас было в Бешеде. Она ее забрала с собой, сестру. Она ей снилась-снилась, пока не забрала.

ЮМ: А памятник...

КК: А вот моя мама парализованная лежит – вот зимою стал приходиться к ней... я... ночью я к ней встаю – она у меня парализованная. Я как раз памперсы меняю ей. Так ночью – я чувю – она мне говорит... мне дядка покойный... он умер, дядька, она его (нрзб)... (Нрзб) получается, он к ней ходит, дядька мой. Ходит и мучит ее. это ж нельзя. И потом его отец снился мне и мама сналася. А я верю в это дело. Так завтра (?) говорю мужу – давайте поедem на кладбище, поедem. Купим цветы и поедem... и молитву попросим. И я купила цветы. Много, очень много цветов: там у него брат лежит, отец, мать лежит. Но мой дядя лежит в Бешеде – я не могу уехать. Я не могу оставить маму и папу. (Нрзб) купила цветов очень много, всем дала цветочки. (Нрзб) всем положила цветочки. И я очень стала просить (нрзб) что... Я очень прошу вас, не приходите, пожалуйста, ко мне, не мучьте моя маму, пожалуйста, оставьте ее, пожалуйста, в покое. Она такая больная. Не троньте, пожалуйста, ее. И что вы думаете? Они перестали ходить и перестали ее мучить. Она выздоровела. И она выздоровела. Видите...

ЮМ: А на кладбище...

КК: Что-то есть, есть что-то на свете, есть Бог.

ЮМ: Цветы только носят или вот носят...

КК: У евреев?

ЮМ: Да.

КК: Носят камушек.

ЮМ: Камушки...

КК: Такие камушки...

ИК: (Нрзб) глаза, когда человек умирает...

СЕ: А с чем это связано, почему камни? Почему именно камни?

КК: Это... цветок – я думаю по своим понятиям – цветок за(нрзб), и все. А камушек, мертвый камушек... вот, вот, вот такой камушек оставляют маленький, вот такой. Это называется мертвый камень, мертвый...

КК: Он не... он воду не впитывает...

ИК: (Нрзб) когда человек умирает, ставят черепицу на глаза...

КК: Он не, он не, он не тает (?), ничего... этот камень мертвый. Идешь – камушек. И ставишь.

СЕ: А куда ставят, в ноги или в голову?

КК: На мои (?) в голову... (нрзб) в ногах ставишь камушек и уходишь. И тогда он знает, что... что ты у него был. И он...

(Конец стороны В)